

Размышления и дискуссии

В.К. Кючарьяни

Восьмая нота

Хроники смутного времени

*Препятствиями мы растем.
Н.К. Рерих*

*...И не изменится времени ход,
Но часто паденьем становится взлет,
И видел я, как становится взлетом паденье.
А. Макаревич*

Загадка, упакованная в тайну

В нашем мире нет ничего случайного. Бог не играет в кости, считал Эйнштейн. Любая случайность, при пристальном рассмотрении, оказывается закономерно обусловленной. Это и о Природе, и о каждом из нас, и об обществе в целом...

Согласно динамической модели неравновесных систем нобелевского лауреата Ильи Пригожина, и человеческий организм и общественные системы подчиняются общему закону, ключевым моментом которого является *точка бифуркации* — некое состояние неустойчивого равновесия, после которого система «падает». Но такая неустойчивая точка может быть не только в верхнем положении, но и в предельно нижнем, где и падать-то уже некуда. И тогда любое дальнейшее движение системы лишь улучшает ее положение. Как выздоровление тяжелобольного начинается после кризиса, когда кажется, что жизнь висит на волоске, так и человеческое сообщество, устремляясь к нижней точке бифуркации, проходит через войны, тоталитаризм, хаос социальных потрясений, прежде чем с началом подъема обрести свое новое качество.

Теория гениального русского бельгийца Пригожина, открывшая новые горизонты современной науки, одновременно позволила некоторым ученым прийти и к циничному выводу: *чем хуже условия для каждого конкретного человека, тем лучше для общества в целом, ибо на самом деле оно стремительно эволюционирует.*

Не о нас ли?

Если принять эту точку зрения, то и вдохновенный разрушитель Ельцин — не что иное, как некий *прогрессор*, ниспосланный нам для дальнейшей эволюции России. Вот только когда на чашах нравственных весов мгновенно перевешивают горе, боль и руины, этим вряд ли утешься... И если устойчивость и развитие вещи несовместимы, как утверждают скептики, ссылаясь на идеи Пригожина, то как быть тогда с вполне благополучной Европой, *устойчиво* переживающей яркий восход?

Или мы какие-то иные?

«Скорость превращения России из сверхдержавы в слаборазвитую страну, свидетелями которого мы являемся последнее десятилетие, просто ошеломляет», — пишет английская «Гардиан».

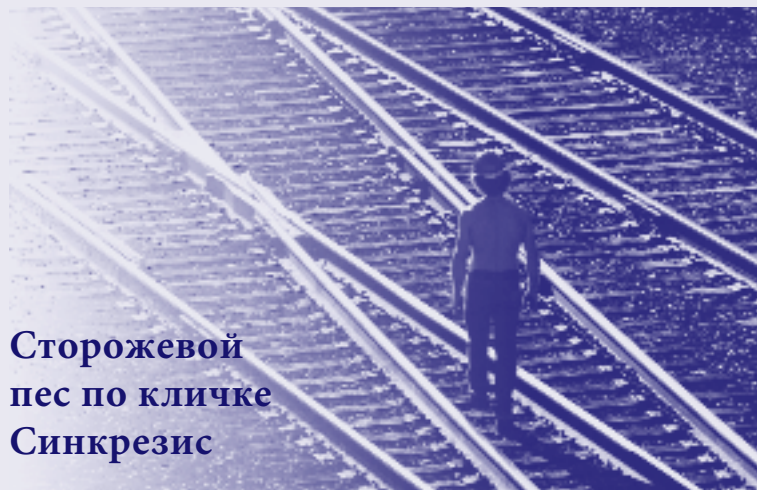
Но кто судит нас нелицеприятнее, чем мы сами?

«Безволие, покорность судьбе, уверенность, что рано или поздно все само образуется — образуется без нас, но для нас — вот что по-прежнему определяет нашу сегодняшнюю жизнь». Такой вердикт выносит в своей недавно вышедшей глубокой и беспощадной книге «Русские: истоки, психология, судьба» писатель и публицист **Владимир Меженков**. Он утверждает: причина бед, поразивших нацию в конце XX века, кроется не в том, что она не похожа на других (каждая нация самобытна и самоценна, имеет свои особенности, обусловленные историческим развитием). Основная причина неблагополучия русских скрыта внутри нации, в том *антироссиянине*, который глубоко вьелся в плоть и кровь каждого, кто называет себя русским. Антироссиянин, по мнению Меженкова, — это вывернутый наизнанку россиянин, зеркало, отражающее нашу внутреннюю сущность во всей ее привлекательности и уродстве, инициативе и безволии, разухабистости и смирении, готовности взбунтоваться по ничтожному поводу и тут же подчиниться чужой прихоти. Иначе говоря, антироссиянин — наше «другое Я», которое побуждает

нас поступать вопреки логике и часто в ущерб себе. Не признавая над собой никакой власти, мы грезим о сильном государстве, управляемом твердой рукой. Превыше всего мы ценим свободу, которая для русского человека суть воля. Ну а воля — это «да пошли вы все...»

Идея Меженкова возвращает нас к Бердяеву, который считал, что Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями. Народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, подверженный национализму и самомнению, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный.

Если верно, что история человечества развивается по спирали, то наша собственная история движется по некоему замкнутому кругу. Мы никогда не шли вместе с другими народами. Не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, не имеем их традиций. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось... Бросающееся в глаза несходство русских с другими народами породило миф о «загадочности русской души», да и России в целом. Уинстон Черчилль, например, называл Россию «загадкой, упакованной в тайну, спрятанную в непостижимость».

Сторожевой пес по кличке Синкрезис

Что же это за феномен такой — русский народ, позволивший превратить себя в нацию подопытных кроликов, над которыми проводятся бесконечные опыты? Есть ли у нас особая цивилизационная специфика? Если да, то в чем она?

На этот вопрос пытались ответить за круглым столом Никитского клуба¹ культурологи,

¹ *Никитский клуб* — это частная инициатива ученых и предпринимателей, обеспокоенных судьбой российского общества и государства. Это попытка объединить интеллектуальные силы России, сделать их активным ресурсом развития страны. Это стремление вовлечь в серьезный диалог по важнейшим для России проблемам ученых, политиков, деловых людей и всех представителей общественности, заинтересованных в радикальном снижении экономических и социальных издержек, необходимых преобразований в стране. (www.nikitskyklub.ru)

историки, социологи, политологи, экономисты. Смысл и цель дискуссии — выбор дальнейшего пути для нашей страны. Эта проблема стоит особенно остро в ситуации мирового кризиса развития, связанного с глобальным демографическим процессом.

Как подчеркнул, открывая диспут, президент Никитского клуба профессор **Сергей Капица**, мы сейчас переживаем величайший цивилизационный поворот в истории человечества. До сих пор мы жили под знаменем роста: больше детей, больше солдат, больше масла, больше пушек, больше энергии, средств... Сейчас по главному параметру — численности людей — произошла полная остановка роста, — исключительно крутая и по существу внезапная.

Феномен этот, считает Капица, связан в первую очередь с нашим разумом — информационной составляющей нашей жизни. Именно она задает темп развитию, и это ее кризис привел сейчас к резкому изменению роста населения мира. Речь идет об исторически мгновенном переломе в области идей, семьи, государственного управления. Сопровождается это ломкой всех устоявшихся связей и традиций, распадом морали и права в обществе — всего того, что вызревало в течение столетий.

— Такого никогда не было, — говорит Капица. — Дай бог нам пережить это время и понять хотя бы смысл, значение и происхождение этих процессов. Для нашей страны это жизненно важно, ибо речь идет о выборе: стать сырьевым придатком или жить своим умом. Нам об этом напоминали уже давно: одна из самых великих пьес в русской литературе называется «Горе от ума».

Словом, проблема — в нашей ментальности.

Сегодня много спорят о некоей определяющей эту ментальность культурной и цивилизационной специфике России. С ней постоянно сталкивается всякий практический деятель — политик, администратор, предприниматель, аналитик. И есть два крайних полюса отношения к ней. Один — игнорировать ее, ибо Россия обычная страна, где действуют те же законы природы, что и в Алабаме или Гренландии. Другой полюс — мифологизация российской специфики в духе идей об уникальности, богоизбранности, непостижимости.

По мнению известного культуролога **Игоря Яковенко**, оба этих подхода бесплодны. Говоря о русской культуре, считает он, следует иметь в виду, что она имеет два уровня. Есть традици-

онная культура, которая сложилась в период с XII по XVI в. И есть дальнейший процесс ее модернизации. Он привносит в изначальную ментальность нации новые черты, формирует иные ее цели.

В основе традиционной культуры России — установка на т.н. *синкретизм* — то состояние общества, где все переплетено со всем и ничто не выделилось, не обособилось. Это такая целостность, в которой знания о мире, нормы поведения, художественная культура, религиозные представления, навыки и умения существуют слитно и нераздельно. Своего рода сторожевой пес нации. *Вся история человечества — это процесс бесконечного дробления синкретизма, его преодоление.* На Востоке он шел медленнее. Культура Востока блокировала и замедляла его. На Западе — исключительно энергично. Поэтому именно Запад и породил в конечном счете историческую динамику.

С точки зрения Яковенко, *главная особенность традиционной русской культуры в том, что, пытаясь* (подобно Востоку. — В.К.) *противостоять историческим переменам, она цепляется за сегодняшний уровень синкретизма как за последний.*

Иными словами, ценностно мы ностальгически обращены в прошлое. В любой конкретной ситуации россиянин-традиционалист из двух предложенных вариантов скорее изберет тот, что противостоит переменам. То есть тот, где уровень синкретизма выше. К примеру, какая ситуация нам предпочтительнее: крестьянин выращивает урожай и сам продает его на рынке, или он продает его оптовику, который организует торговлю? Для традиционалиста, естественно, лучше первое. Производитель и торговец в одном лице нам более привычен, и, значит, ситуация более синкретичная. Не случайно появление в России в 90-е годы целой армии «дилеров», «промоутеров», «брокеров» и прочих невесть откуда взявшихся настырных посредников вызвало нескрываемое раздражение в обществе. А нынешний агрессивный диктат смуглолицых перекупщиков, напрочь вытеснивших с продуктовых рынков столицы российских крестьян, стал и вовсе мощным катализатором ксенофобии прежде терпимых ко всем приезжим москвичей. Даже не подозревающих о том, что они защищают последние бастионы некоего неведомого им «синкретизма». Осажденной крепости с бойницами внутрь.

Против кого дружите?

Кто мог бы подумать, но, оказывается, русский человек мизантроп и аскет по натуре! Во всяком случае, такой вывод легко следует из концепции Яковенко, считающего, что одна из ярко выраженных черт традиционного русского менталитета — *мироотречное сознание*. Его суть: мир погряз во зле, он неприемлем по своей природе, а, значит, всякие попытки исправить его или усовершенствовать ни к чему, кроме гибели души человека, не приведут.

Вообще-то такое мировоззрение — гностицизм — не вписывается в христианство, и церковь изначально боролась с ним не на жизнь, а на смерть. Практичный протестантизм максимально свободен от таких взглядов, католицизм затронут ими лишь частично. А вот российское православие, по мнению Яковенко, буквально пронизано им: сама идея монастыря, статус монаха в русской культуре, идеал нестяжания, недеяние, и многое другое... Не здесь ли истоки безбрежной «русской тоски», знаменитого нашего «авось» и «чему быть, тому не миновать»? В общем, разудалый наш фатализм. Чтоб не сказать пофигизм.

Если бы только это!

Игорь Яковенко углядел в традиционном русском сознании и другой непременный элемент, весьма нелестно определяющий специфику всей нашей культуры, — *манихейство*. (Это понятие восходит к имени иранского религиозного реформатора Мани. — В.К.)

В манихейском сознании мир предстает как арена вечной борьбы двух космических сил — Света и Тьмы, Добра и Зла, духа и материи. И это всегда — «мы» и «они». Стоит ли говорить, «мы» — это, разумеется, всегда свет, а «они» — всегда тьма. Человек, живущий в такой системе представлений, склонен любое взаимодействие с «они» представить в форме конфликта или перевести в конфликт. Если он и дружит с кем-то, то дружит *против* некоего третьего. А уж любой конфликт — от перепалки с соседями на коммунальной кухне до отношений с идейными противниками, инородцами, иноверцами, «классовыми врагами» — переживает как вечную борьбу Света и Тьмы. При этом любой конфликт манихей стремится предельно обострить. Жизнь для него — борьба до поражения противника. Его враг — всегда Враг с большой бук-

вы. Отношение к врагу как к человеку — табу. Любые компромиссы нетерпимы и постыдны. Диалог же — лишь способ выиграть время для нанесения смертельного удара.

Манихейство — доктрина не христианская и, казалось бы, не вписывается в систему православия. Но, по мнению Игоря Яковенко, она глубоко укоренена в российской культуре. Он иллюстрирует это тем, что по любому значимому поводу в нашем обществе неизбежно возникают два абсолютно полярных мнения, выраженных как бы на совершенно разных языках. Своего рода разговор глухих. Главное для оппонентов — не поиск истины, а стремление подавить (а лучше уничтожить) несогласного. В такой ситуации диалог невозможен.

Тут с ним не очень поспоришь — мы это постоянно наблюдаем в родном Отечестве. Впрочем, разве не столь же часто мы видим, как вчерашние заклятые враги становятся добрыми друзьями? И вот именно это уже действительно наше, российское. Не злопамятен русский человек, широк и отходчив. Такой вот «нюанс».

Среди других наших культурных особенностей — *сакральный статус власти*, когда государство противопоставлено подданным. Русское сознание всегда ставило власть над законом, считает Яковенко. Отсюда, мол, и наше неверие в закон как в средство борьбы со злом. Тем более что зло часто исходит от власти.

Из таких элементов менталитета и восприятия реальности и выплывлено, по мнению Яковенко, ядро российской культуры, переживающей сейчас процесс «расколдовывания мира».

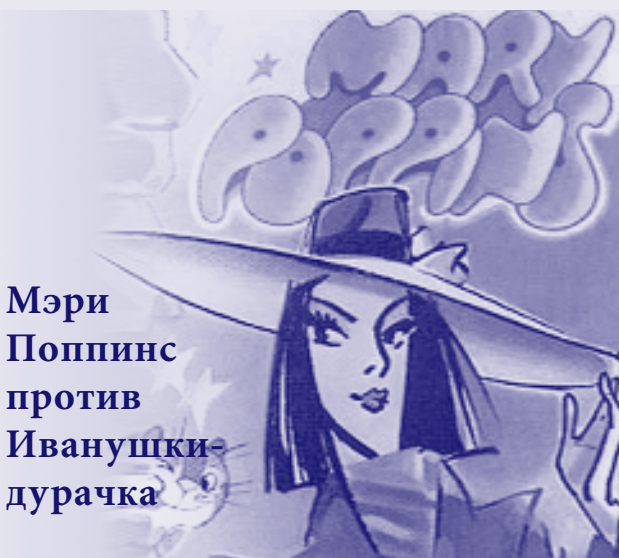
Можно возмущаться столь нелестной оценкой мировосприятия русских. Или поражаться тому, что ученый-россиянин игнорирует очевидное: не русское сознание, а именно власть всегда ставила и по сей день продолжает ставить себя над законом. И не отсюда ли наше чисто российское — «судить не по закону, а по совести»?

Но одно здесь верно — разорванное сознание. Мир меняется слишком быстро для нас, тугодумов. Жесткая реальность прямо перпендикулярна извечной русской мечте о справедливости. И сегодня сознание россиянина как бы раздвоено — с одной стороны, оно вынуждено соответствовать рациональной культуре Нового времени, с другой — испытывает глубинное влияние, казалось бы, давно ушедших комплексов. В результате же реальное поведение среднего человека оказывается труднопредсказуемым. В одних ситуациях логика его поведения рациональна, в других — совершенно иная, неадекватная.

Наличие второго, глубинного груза (вспомним меженковского «антироссиянина») и задает все «неправильности» России, порождает все то, что заставляет говорить о неопостижимости и непредсказуемости нашего общества.

Здесь же и ключевые проблемы нынешних и будущих российских реформ, убежден Яковенко. Выбор дальнейшего пути нашей страны не может игнорировать всю эту специфику.

Да, конечно же, идеалы уютной буржуазности все более привлекательны для изнуренного выживанием соотечественника. Но будем честны сами с собой — жить с европейски распланированной определенностью судьбы, не заходя, по обыкновению, в тупики, нам, россиянам, наверное, было бы просто скучно. Не наше это.

Мэри Поппинс против Иванушки- дурачка

Смена привычных идеалов и установок в обществе — процесс весьма болезненный и длительный. Более ста лет российское общество переживает явный цейтнот, не поспевая за диктатом времени.

Пестрая и разрозненная Европа, имевшая в средние века много общих с русской традицией моментов, стала Европой, придя к своему Выпускному Балу в поворотном XV веке объединенной — единым символом веры, единым латинским языком литургии. Реформация и Ренессанс довершили остальное. Открывшись новым идеям, исповедуя позитивизм и активность, Европа легко нашла путь к современному динамичному обществу и не утратила при этом своей культурной специфики.

Этот путь не заказан и России.

А вот на сей счет и рецепт Яковенко: *необходимы новые информационные, образовательные и психологические стратегии, которые помогут переориентировать нашу культуру в позитивном направлении. И начинать надо со школы.*

Классическая европейская школа, преодолевая «упертость» синкретиза, ровно тысячелетие перемалывала архаическое сознание с помощью логики, риторики, схоластики. Там поняли, что обнаженные мысли и чувства столь же беспомощны, как обнаженные люди, и нужно научиться их облачать. Человек, прошедший школу логико-рационального взгляда на мир, обретает иммунитет, невосприимчивость ко всем тупиковым идеям традиционного сознания. Яковенко убежден, что это сработает и у нас.

Может, и прав он: лучше поздно, чем никогда. Сейчас мы, простодушные, — как голые на ветру.

— Система школьного образования и сегодня может быть построена вокруг четырех сквозных дисциплин — логики и риторики, курса экономики и курса права, — говорит Яковенко. — Если вести их с пятого класса до конца школы и пронизать ими остальные школьные курсы, то через десять лет вырастет поколение, в сознании которого не останется и следа от «ценностей» синкретиза. То есть от наших комплексов.

Как происходит изменение ментальности? Лет тридцать назад в России сменился традиционный корпус сказок: персонажи Толкина, Мэри Поппинс, Карлсон и Мумий Тролль принесли новые измерения тому пространству сказки, в котором вырастают дети. Этот мир буквально вытеснил, отменил скатерть-самобранку и главного героя русской традиции — юродивого, асоциального Иванушку-дурачка. Вместе с ними ушел в прошлое целый пласт мироощущений. Масштаб этого события, его значимость для культуры не были осознаны. Между тем именно на новой сказке выросли герои сегодняшнего дня, те, кого одни проклинают, а другие благословляют. Но это уже совсем иное поколение.

...Выходит, и наша новая старая родина, и само время требуют сегодня от нас жить так, будто это и не мы вовсе? Забыть родословную, наши традиции?

Вовсе нет.

Историк **Александр Голубев**, например, напоминает о том, что российская академическая наука создавалась по немецкому образцу. Все первые академики и профессора были немцы, которых Ломоносов — человек с немецким образованием и русской душой, на дух не переносил. Но когда немецкая модель наложилась на русскую специфику, то после более чем вековой и весьма болезненной «притирки» мы получили великолепный феномен высокой российской науки, соединившей в себе все лучшее

от обоих родителей. Вот и сегодня преодоление негативных факторов в сознании и в культуре, тормозящих наше развитие, по мнению Голубева, несомненно, связано с образованием. Это как переливание свежей крови в одряхлевшее тело нации.

— Мы должны взять Обломова и, не потеряв ни одной человеческой черты, придать ему лучшие качества Штольца, — говорит он. — На мой взгляд, в этом и состоит цивилизационная задача и национальная идея современной России.

Война, которую мы проиграли

... **Д**ействительно ли наша специфика и главная беда — в экстенсивности российской цивилизации, где ресурсо- и человеко-расточительство постоянно рождает критические ситуации?

Можно вспомнить **Виктора Астафьева**, попытавшегося переосмыслить итоги Великой Отечественной войны. Войны, которую, по его убеждению, мы проиграли, если сравнить, как живут немцы и как живут россияне. А ведь мы Германию просто засыпали телами наших солдат! Эта мысль — пагубность для России человеко-расточительства — привела Астафьева в конце жизни к глубокому убеждению: прежняя Россия погибла, ее внутренний человеческий потенциал исчерпан.

Трагические размышления одного из крупнейших российских писателей вновь возвращают нас к феномену синкрезиса и к идее Яковенко о его губительности для нашей российской цивилизации.

Однако на сей счет в дискуссии Никитского клуба прозвучали и другие мнения. К примеру,

историк и теоретик культуры профессор **Игорь Кондаков** напоминает, что в XIX веке, опираясь на феномен Пушкина, Достоевский сказал о *всемирной отзывчивости* русской культуры. О ее способности вбирать в себя, не изменяя собственной природе, очень важные вещи из чужой культуры.

— Все происходящее с Россией в постсоветское время, на мой взгляд, связано во многом с потерей этого ощущения всемирности, — говорит Кондаков.

С этим трудно не согласиться. Для традиционного русского сознания свойственна апелляция к «Москве — Третьему Риму», к мессианизму Святой Руси и т. п., а в советское время — к всемирно-исторической миссии советского народа, пролагающего новый, светлый путь человечеству.

Золотой петушок Византийской империи, перелетев с креста Святой Софии в Константинополе на одну из башен еще строившегося Кремля, так и остался символом Несбывшегося. И сегодня мы оказались один на один со своим менталитетом, ощутив его ущербность. В то время как во всем мире в связи с тенденциями глобального развития почти каждая культура выявляет в себе не столько менталитет, сколько глобализм, то есть некоторые интенции к *всемирности*. Так, может, и нам пора вернуться к еще не окончательно исчерпанной в нашей душе и сознании *идеи всемирной отзывчивости*?

...Мир переменялся, а российская цивилизация осталась такой же, какой была раньше, сменилась лишь ее идеологическая вывеска. Так, во всяком случае, видит нас Запад. Вот что пишет, к примеру, «Вашингтон пост»: «Государственные институты подозрительны, чиновники неприкасаемы, правоохранительные органы преступны. Россияне по-прежнему любят “железных людей”, предпочитают традиции инновациям, единство плюрализму, решения властей личному выбору. Россия — это союз конкурирующих феодальных поместий. Условия для развития капитализма и либеральной демократии здесь очень неблагоприятны, хотя за последние десять лет ситуация и улучшилась. На самом деле “современная”, “стабильная” Россия — это лишь маска, за которой скрываются авторитаризм, беззаконие, олигархия, агрессивность, невежество, склонность к предрассудкам, репрессии, крайняя бедность, болезни...»

Осталось вспомнить программное — «Империю зла», и манихейство сразу утрачивает русское «ноу-хау». По части создания образа Врага у лидера мировой демократии приоритет абсолютный!

Что милее — эвтаназия или аннигиляция?

Можно соглашаться или оспаривать диагноз от «Вашингтон пост». Но разве не наступил уже тот драматический момент, когда Россия и в физическом и в этническом смысле как геополитическое и культурное образование может исчезнуть? Разве не переживаем мы уже по сути ее исчезновение, культурную аннигиляцию?

Таковыми вопросами задается декан философского факультета Санкт-Петербургского университета **Юрий Солонин**. Предложенную Яковенко коррекцию «культурного кода» россиян, их «переделку» с помощью образовательных и психологических программ он называет своего рода *эвтаназией* — способом благостного и недраматичного исчезновения этно-культурного своеобразия русских. Растворения их в мировой цивилизации.

Уместно ли вообще применять к российскому феномену понятие «цивилизация»? — спрашивает он. Ход его рассуждений таков. Культура изначально связана с цивилизацией. Все известные цивилизации утвердились в результате преодоления культурных различий народов, живших на некотором едином пространстве, — различий в языках, обычаях, нравах, религиозных обрядах. Эта, зачастую вынужденная, необходимость сосуществования снижает степень этнической замкнутости, религиозной нетерпимости. Возникает необходимость единого универсального способа общения — сверхэтнического языка и набора символов принадлежности к единому социокультурному и политическому этносу. Так было и в Римской и в Российской империях, а затем и в Советском Союзе. По сути это существование в двойной системе — в этнокультурной (республики) и универсальной — цивилизационной (СССР).

Цивилизация всегда — высший регулятор сверхнациональных, сверхкультурных отноше-

ний. В ней почти всегда больше политических моментов, чем в культуре. С этих позиций, считает Солонин, силу принуждения к совместному культурному сосуществованию мы посчитали цивилизационным процессом, а политические и идеологические институты — формами цивилизации: российской, советской и пр.

— Я не знаю, сколько столетий или десятилетий, со всеми пережитыми потрясениями, мы пребываем в культурном состоянии, но в фазу цивилизации пока не вошли, — говорит он. — То общество, в котором мы живем, — это еще не цивилизация, а лишь некоторый ее антураж. В силу какой-то фатальной предначертанности мы, россияне, лишены способности доводить любое общенациональное дело до конца. Петровские реформы, реформы 1861 года, судебная реформа 67-70 гг. того же XIX века, столыпинская реформа... Мы и социализм не закончили строить. Совершенно неясен и нынешний процесс реформирования, имеющий по сути неопределенные перспективы.

Могу понять скептицизм питерского философа. В подмеченной им исторической закономерности образ россиянина — Манилова обретает черты ильфовского переростка Полесова, то хватавшегося за ремонт трамвайных путей, то бросавшегося разбирать чугунные ворота и тут же забывавшего обо всем этом, загоревшись новой идеей...

Почему все же Россия не способна сделать что-то одно, возможное для культурных наций, но способно на другое, иным недоступное, скажем — крайнюю жертвенность или постоянное существование в режиме кризисности?

По мнению Солонина, сегодня сама постановка вопроса: «есть ли у России своя цивилизация и культура?» — из этого же ряда. И связана она со странным свойством нашего интеллектуального поведения: мы часто затеваем дискуссии, толком не зная, что обсуждаем.

Когда были имперская Россия и СССР, мы, видимо, имели право говорить о российской или советской культуре, подразумевая всю территорию страны. Теперь, потеряв огромные анклавы, ставшие самостоятельными государствами, мы, как ни в чем не бывало, продолжаем говорить о российской цивилизации и культуре. Говорим даже о возрождении России. Но если отколется Чечня, или, предположим, Якутия, или Дальний Восток, то о какой цивилизации мы станем говорить дальше? Где оно, то геополитическое пространство, которое мы при этом подразумеваем? И какое значение имеют наши слова для татар или башкир?..

Продолжаются рассуждения в духе исконности русских религиозно-нравственных ценностей, неразгаданности духовно-душевного склада русского человека. Мы говорим о православии как о корнях нашей культуры. Но есть ли у нас моральное право говорить об этом перед людьми других конфессий, нашими же соотечественниками?

Несколько войн и революций, гигантские перемещения народа в годы «великихстроек», его уничтожение в периоды репрессий, насильственные депортации и т.д. — разве все это не изменило кардинально психологию русского человека?

Ответ очевиден, заключает Солонин: *сегодня под маской русского мы имеем человека с иным этнопсихологическим складом.*

Он прав в этом. Социологи подсчитали, что через 20 лет только в Москве и Петербурге 40 % населения будут мусульмане. Они же составят и половину всей российской армии. Надо полагать, эта тенденция захлестнет и всю Россию.

Русский коктейль и без того уже круто замешан. Но тогда каким «аршином» мерить страну?

тельством. В русской церкви нельзя сидеть — даже на коленях, как у мусульман. Для русских Бог наверху, а правительство находится по вертикали между Богом и человеком.

Такое сознание определяет, собственно, и все остальное.

— Русский Бог, по Достоевскому, самый добрый, — говорит Кончаловский. — Он все прощает. Поэтому грешить и нарушить любую заповедь в России очень просто.

При всем уважении к киноэтру, трудно не назвать это упрощением. Хотя доля истины здесь есть.

...Аргентинский социолог Грандон пришел к выводу, что есть культуры, воспринимающие прогресс легко и быстро, и есть культуры, сопротивляющиеся прогрессу. И это — данность. Грандон выделил несколько отличительных черт таких культур.

Первая черта: религия объясняет страдание, а не успех. Вторая — нетерпимость к ереси (т.е. новизне), потому что она ведет к нестабильности, тогда как культура, сопутствующая прогрессу, воспринимает ересь как необходимость развития. Третья черта — восприятие труда как бремени. В прогрессивной религии труд — прежде всего средство достижения успеха, но не бремя. Далее — отношение к деньгам, перерабатываемым, как говорится, внутри общей суммы: если сосед получил деньги, выиграл, то это непременно за мой счет, то есть успех соседа воспринимается как угроза собственному благополучию. Следующая черта: узкий круг доверия. Вокруг тебя — только свои люди. Как только приходишь к власти, сразу собираешь своих людей. И наконец, восприятие государства как враждебного института, потому что государство отнимает.

Не правда ли, как все знакомо?

Отсюда неудивителен и скептический пессимизм режиссера Андрона Кончаловского, вспомнившего Плеханова, который советовал Ильичу не лезть на рожон, так как «мельница русской истории не намолотила той муки, из которой можно испечь пирог социализма». Да, можно жить в современных городах, пользоваться благами цивилизации — ТВ, компьютерами, сотовыми телефонами и т. п., — но этический комплекс ценностей будет все тот же, крестьянский, что был испокон веку в России.

— Какая может быть демократия в стране, где большинство, которое избирает, не контролирует избранных? Где еще, кроме России, банкир ходит с несколькими телохранителями? — гово-

Русский Бог — самый добрый

В какой степени религия России определяет ее культуру?

По мнению кинорежиссера **Андрона Кончаловского**, мы часто думаем, что мы европейцы лишь потому, что Петр покрыл Россию «тонким плащом цивилизации». Но по сути коснулось это лишь аристократии и интеллигенции, этический же комплекс русского народа остался таким же, каким он был и 200 и 500 лет назад. Ибо ортодоксальное, догматическое российское христианство не эволюционировало. Не было никакого интеллектуального развития отношений человека с Богом, которое в конечном счете переходит на отношения человека с правительством. У католиков Бог — по диагонали: с ним можно вежливо поторговаться; у протестантов — он рядом, по горизонтали. Такое же отношение и с прави-

рит Кончаловский. — Мы живем еще в XIV веке, до Реформации. Мы криминальны, так же как криминальны с нынешней точки зрения Медичи или Борджиа. Характер разрешения конфликтов в России один — убить. Мне кажется, страна неизбежно поймет необходимость установления диктатуры. И именно диктатура, если она окажется достаточно разумна, будет работать, наконец-то над созданием предпосылок гражданского общества.

Не слабо сказано! Эпатажно.

Особенно, когда у остальных соотечественников нет про запас второго гражданства. Или паспорта на предъявителя.

Почему мы не шведы?!

В пику столь нелюбимой характеристике, данной русско-американским режиссером нам, россиянам, известный публицист **Отто Лацис**, считает, что не существует никаких непреодолимых национальных особенностей, которые навсегда обрекают русского человека на воровство, пьянство, неумение пользоваться демократией и любовь к диктатуре. Можно доказать, что все как раз наоборот, замечает он, ссылаясь на недавние исследования социологов. Они задали респондентам 120 вопросов и выяснили, что более 2/3 опрошенных исповедуют вполне современные европейские ценности. И только 23 % высказались за то, что можно назвать традиционно русскими или российскими ценностями.

— Ворovali и воруют, конечно, много, — признает Лацис. — Это особенность России. Но, по-моему, она не национального происхождения, а социального. Люди пытались выживать в голодных сталинских колхозах, в нищей уравни-

ловке бесхозного социализма. Это изживаемо в хорошо организованной (но не ворами, как у нас. — В.К.) рыночной экономике. Это не фатально присуще России.

Конечно, есть особенности национальной истории, как у любой страны. В Стокгольме один швед у памятника Карлу XII сказал мне: знаете, за что мы ему благодарны? За то, что он под Полтавой проиграл. С тех пор шведы чужого не завоевывают, а все силы вкладывают в устройство своей страны. И устроили ее неплохо. Для России после взятия Казани за Волгой открылся безбрежный простор до самого океана. Стране необходимы были выходы к морям. И веками шли туда. Это оставило и положительные, и отрицательные черты на рисунке национального характера. На политической культуре — скорее отрицательные. Когда становились неизбежными неудобные для власти реформы, всегда находились причины их отсрочить, заменив это движением вширь.

Цивилизационные процессы для всех едины, а сочетание их во времени и пространстве в каждой стране свое. По мнению Отто Лациса, у нас в последние годы по меньшей мере три цивилизационных перехода сошлись в одно время. Они тяжелы каждый сам по себе. И тем более тем, что сошлись вместе. Такое совпадение во времени — особенность нашей судьбы.

На первом месте — великий переход от аграрной цивилизации к индустриальной, начавшийся в 20-е годы минувшего века. Сложился и переходный тип культуры. Для нескольких поколений жизнь в таком маргинальном состоянии стала нормой. Но это время заканчивается. Мы его доживаем.

Второй переход — от социализма к капитализму. Многие страны его уже совершили. Для нас же он исключительно трудный, ибо наш социализм самый длительный. С вдолбленной в сознание мантрой: «у нас все для человека». То, что это не так, стало ясно любому человеку, хоть раз съездившему на Запад. Но душевный комфорт несвободы — по-прежнему сладкая фантомная ностальгия для седого поколения россиян.

И наконец, наш третий переход — от империи к национальному государству. Вот это сейчас в разгаре. А империя была действительно великая, по любым меркам. И память о ее реальных свершениях дополнительно затрудняет уход от имперского сознания. Это не значит, что надо истреблять память. Надо лишь точно истолковывать факты и их взаимосвязи.

Дети Матрицы

Сторонники специфичности нашей российской цивилизации считают, что ее надо песковать, не привнося ничего нового, — что получится, то и получится. Те, кто говорит, что никакой специфики нет, убеждены, что в России нужно энергично и жестко внедрять западную модель развития.

А вот **Сергей Марков**, директор Института политических исследований, полагает, что национальные особенности можно сравнить с набором продуктов. Одним народам достался один набор, другим — совершенно другие. Но в каждом наборе есть что-то общее: как правило, всегда есть мясо, но это может быть либо свинина, либо баранина. Проблема в том, как и из чего сварить суп. Из одного набора можно сварить пустоватый «кнорр» или «роллтон», а вот из разных может получиться что-то очень вкусное.

Демократический путь развития, считает он, невозможен без гражданского общества. А создать его у нас можно на идее *служения*. Россияне привыкли служить огромным проектам. И сейчас как раз их время. К тому же мы привыкли жить в многоконфессиональном и многоэтническом обществе. К чему с огромным трудом привыкают сейчас другие страны — Франция, Великобритания, Германия и т. д. И наконец, еще одно наше преимущество — парадоксальное сочетание присущего нам жесткого каркаса внешнего контроля и внутренней свободы. То, что резко отличает нас от других наций. Опираясь на эти качества, мы, по мнению Сергея Маркова, сможем быстро прорваться в индустриальное общество.

...Блажен, кто верует! Пока мы, пытаясь наверстать упущенное, торопливо становимся

скучной буржуазной страной, ориентированной на потребление. И хотя Россия по-прежнему производит слишком много образованных людей, они уже не находят себе применения в отечестве, и лучшие из них покидают его.

Сможем ли мы и дальше создавать научные, технические и культурные ценности мирового значения? Если да, — мы сохраним интерес в мире к Льву Толстому, Михаилу Булгакову и т. д. Нет — через поколение они станут лишь предметом изучения немногих специалистов в университетах. Возможно, Жорес Алферов и Виталий Гинзбург окажутся последними нашими Нобелевскими лауреатами. Таков нелицеприятный прогноз **Леонида Григорьева** из Экспертного института².

— Надо перестать ласкать в уме свою славянскую загадочность: то мы великомученики, то скифы и азиаты. Пора трезво взглянуть на измотанную страну после всех невероятных событий и жертв XX века, — говорит Григорьев. — Где искать будущее? Надо не в зеркало смотреть, а на студентов. Они очень изменились за последние 15 лет. У нас в год поступают в вузы 1 млн. 250 тыс. человек. Часть уезжает учиться за рубеж, практически безвозвратно, пополняя западный средний класс. Но мы все же имеем миллион человек в год, проходящих активную образовательную подготовку. Плюс к этому — быстрая демографическая метаморфоза: с Востока и из СНГ приезжает дешевая рабочая сила. Из бывших республик Союза переселяется и наш будущий средний класс. Родители торгуют, становятся владельцами собственности, покупают квартиры, пересаживаются с «Жигулей» на «Мерседесы» и «Хонды». Дети, начиная ходить в привилегированные школы, через пять лет станут нормально говорить по-русски и окажутся развитыми детьми в рамках российской цивилизации.

Словом, Россия продолжает жить по принципу *melting pot* — плавильного горшка.

Нам нужно объединить свое небогатое тело с богатой душой в более гармоничной форме, чем это до сих пор позволяла история, считает Григорьев. Если мы верим в то, что интеллигенция определяет и преобразует цивилизацию, то надо не ностальгировать по прошлому, а ориентироваться на те 10 миллионов по-новому образованных молодых людей, которые выросли после

² *Экспертный институт* — Научно-благотворительный фонд, в задачи которого входит организация и проведение научно-исследовательских работ, имеющих практическую ценность для российской промышленности; анализ и прогноз экономической и социально-политической ситуации в России; содействие развитию предпринимательства, формирование механизмов эффективного использования отечественного и зарубежного опыта хозяйствования, позитивного имиджа российского бизнеса в стране и за рубежом; оказание благотворительной помощи в проведении научных исследований.

социализма, не помнят ни очередей, ни цензуры и абсолютно открыты миру. В направлении, в котором они эволюционируют, и движется наша российская культура.

Может, он и прав. Вот только куда движется «поколение next»?

Не загадка Сфинкса. Они выросли на Биг Маках, Пепси и Гарри Поттере. Они почти все говорят по-английски. Их русский — смесь рекламных слоганов и ставшей естественной ненормативной лексики. Их консерватория — рэп, музыка диско, и «Динамит FM». Нравственный ориентир — Успех и Деньги. Девиз — «Вау! Супер! Оторвись по полной!». Их Бог — компьютер. Родина — Всемирная паутина. *Они уже стали частью Матрицы...*

Сумеет ли мы, при такой экспансии чужого, удержаться на плаву в собственной лодке, подобно Франции, или растворимся в кислотном океане массовой культуры?

...Не могу отделаться от ощущения, что многие нынешние дебаты о судьбах российской цивилизации и культуры несут оттенок радостного некролога. По еще живой душе нации. Что восторги по поводу охватившей страну эпидемии «позитивного индивидуализма» порой похожи на вакханалию. Пляски гуннов на руинах империи...

«Чайки» все еще летают в России большими стаями и плодятся быстро, а «Три сестры» тоскуют по Москве не только у нас, но и во всем мире. Эти слова были сказаны недавно в Париже одним из столпов русской культуры — **Петром Фоменко**. И вот его восприятие нашей «специфики», извечной загадки русской души: «Я думаю, в ней есть и страдания, и радость бытия, и колоссальная непостижимость противоречий. И они интереснее всего. Их, действительно, умом не понять и никаким аршином не измерить».

Он анатомирует эту душу всю жизнь, ищет разгадку. Но она постоянно ускользает...

Да, наше общественное сознание разорвано. Наш дуализм сегодня — объективная реальность. Но я уверен, выбор пути, хоть и очень недолго, все еще за нами. И мы здесь не одиноки. Проблема самоидентификации мучает не только нас, но и европейское сообщество. И не случайно участники недавней международной конференции в Брюсселе резко отвергли предложение о переименовании Европейского Союза в Соединенные Штаты Европы. Причина одна — все хотят сохранить свои особенности,

свою культуру. Ну милее британцам их кельтский фунт, фут, и королева — символ исчезнувшей Империи, но живой традиции, а прижизненным швейцарцам — альпийские кантоны, упитанный франк и национальное достояние — нейтралитет!..

...Во всех веках и народах неизбежны краткие периоды, когда будут спесиво отринуты культура и духовные накопления народа. Как клады, временно уйдут они под землю. Как в запрещенных катакомбах, останется лишь шепот молитв. Но придет время, и их опять достанут из тайников. С рвением будут изучать. И из этих неисчерпаемых источников обновятся основы Культуры. Так в начале жестокого для России XX века говорил Николай Рерих. Россия — не только страна мгновенного настоящего. Она страна великого прошлого, с которым держит неразрывную связь, считал он.

...Как мы понимаем культуру? Все то, что нам дарят музы? Или нечто большее — сокровенное, вечное? Поиски его. Мне лично она представляется мостом, перекинутым из одной беспредельности в другую. Через тайну — к непостижимому. Через наше сознание и подсознание — к ноосфере. К чему-то большему... Нельзя быть Бахом и не быть глубоко верующим. Нельзя, задев перед Пиетой Микеланджело в Ватикане, или слушая «Реквием» Моцарта, не ощутить всем своим существом пронзительную красоту неведомой *восьмой ноты* Высшей Гармонии.

И размышляя о культуре, о том, что в ней самое главное, надо попытаться понять — насколько этот путь поисков вечного, путь к смыслу Гармонии, выбранный нацией, характерен для нее. И какова здесь роль веры. Ибо, хотим мы того или нет, но и сегодня этой невидимой нитью прошит весь наш рациональный мир — мир сверхскоростей и банковских индексов, секс-символов и фантастических нанотехнологий, межэтнических конфликтов и виртуальных империй.

Парадоксально, но в России путь этот проходит почти через все мировые религии: православие и католицизм, иудаизм, ислам, и буддизм, и даже конфуцианство Дальнего Востока.

Может быть, в этом и состоит наша специфика — мы идем к пониманию Сокровенного всеми возможными путями.

Но почему-то всегда выбираем самые трудные.

Непостижимо.

«Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает,
но и любовь — мелодия»
В. Спиваков

Владимир Спиваков: «Совершенство — это мираж в пустыне»

Цикл из шести концертов Владимира Спивакова в парижском театре «Шатле» стал в этом году одним из центральных событий обширного «Русского сезона». С нашим великим скрипачом журналист Юрий Коваленко знаком лет 15, не пропустил ни одного его фестиваля в Кольмаре, слушал многие его выступления во Франции. Эта беседа — итог их многих встреч как в Париже, так и в Кольмаре.

— Газета «Нью-Йорк таймс» объявила ваш фестиваль в Кольмаре лучшим из французских, которых здесь проходит великое множество. Вы совсем сроднились с Эльзасом, а местные виноделы с некоторых пор даже называют вино в вашу честь.

— В каком-то смысле сроднился. Ну а то вино... оно уже все выпито. Правда, как я слышал, виноделы готовят новое.

— Французы приветчают наши таланты не только вином...

— Именно выходцы из России, которые умели завладеть умами, произвели большинство переворотов в искусстве начала XX века. Малевич и Кандинский перевернули представление о пространстве и форме. В музыке Стравинский «ударил по ушам» так, что до сих пор звенит. Дягилевские сезоны сводили с ума французов, которые не представляли себе, что может быть такая связь между действием, живописью и музыкой.

— Тем не менее Франция в последние годы потеряла два российских музыкальных фестиваля — в деревушке Гранж-ле-Меле после смерти Святослава Рихтера, а потом по финансовым причинам — фестиваль Мстислава Ростроповича в Эвиане.

— В Кольмаре такое невозможно. В Эвиане был только один спонсор, а у нас их много. Я не бизнесмен, но, как говорят англичане, нельзя держать все яйца в одной корзине. К тому же здесь наш фестиваль считают очень престижным.

— Выходит, что без меценатов искусство не существовало бы...

— И наоборот, без искусства — меценатов.

— Судя по вашей архинасыщенной программе на 2003 год, вы ни в коей мере не утратили творческого азарта.

— В каждом человеке есть момент внутреннего горения, которое стремится в разные стороны. Иногда совсем не туда, куда хочется. Горение особенно заметно в творческих людях. В данном случае я не исключение, потому что само искусство,

как заметил Александр Сергеевич Пушкин, «учит вдохновению». И в этом, быть может, одна из замечательных его граней.

— Вам разве никогда не хочется остановиться, перевести дыхание?

— Хочется. Я останавливаюсь, но надолго не могу. Утомляет однообразие, а разнообразие только подгоняет вперед.

— Музыкальные звезды, наверное, рождаются не каждый день...

— Не каждый, но, может, через день. Во всяком случае, работа в моем фонде говорит о том, что в России не иссякают музыкальные таланты.

— Несмотря на все чудовищные проблемы?

— Чем темнее ночь, тем ярче светят звезды.

— Не так давно с пианистом Александром Гиндиным вы дали замечательный концерт в парижском Театре «Шанз Элизе».

— Театр выбрал серьезнейшую программу — три сонаты Бетховена, из них, может быть, самые трудные «Крейцера» и Десятая — последние сочинения Бетховена, где он совершает невероятный прорыв в космос. Не знаю, отважился я бы сейчас играть в Москве такую программу — именно из-за того, что утрачена эта культура слушания. Я вспоминаю, когда Рихтер несколько раз играл три последние сонаты Бетховена, это было событие, которое на всю жизнь осталось в памяти. Люди тогда хотели слушать эту музыку. Сейчас же шоу-бизнес очень многое подкосил, подточил.

— Публика жаждет зрелищ...

— Она развращена легкостью, «фаном». Некоторые классические артисты, как, например, Андрей Гаврилов, тоже считают, что прежде всего должен быть фан. Я думаю, что это один из артистов, с которым меня судьба больше не сведет на концертной сцене.

— Вы имеете в виду, что часть наших серьезных музыкантов превращается в шоуменов?

— Меня тоже обвиняли и обвиняют в этом. То, что прощали другим, не прощали мне. У нас любят прилепить какую-нибудь наклейку, с которой приходится ходить всю жизнь... Правда, еще Джордж Баланчин называл себя «шоуменом», но он в него вкладывал совсем другой смысл.

— Но и музыка бывает идеологизирована — взять, к примеру, «Могучую кучку»...

— Музыка сама по себе не бывает. Что же касается «Могучей кучки», то это было стремление идентифицироваться — здесь нет никакого греха. Если в Москве будут идти только итальянские и французские оперы, то в этом ничего хорошего не будет. Но всякая идея, доведенная до абсурда, становится своей противоположностью.

— Культуру должно поддерживать государство, или это скорее дело частных меценатов?

— В такой стране, как Россия, это роль государства, потому что общество для этого еще не созрело. Уже есть понимание необходимости поддерживать эти процессы, но нет законов, которые регулировали бы частное спонсорство и меценатство. В любом случае надо, чтобы мощь не зависела от того, в каких ты отношениях с министром культуры.

— Кто платит, тот и заказывает музыку. Не попадает ли искусство в зависимость от того, кто дает деньги?

— В какой-то степени — попадает. Но все зависит от человека, от широты его взглядов. От того, кто дает, и от того, кто берет. Нужна большая внутренняя культура двух сторон. Это сегодня дефицит.

— Кто-то из наших современников призывал музыкантов и вообще творческую интеллигенцию держаться подальше от властей.

— Каждый художник понимает, что он существует не только для себя. Есть люди, которые, как раньше говорили, живут в башне из слоновой кости. Есть такие, которые ощущают себя просто попутчиками страны, а есть те, которые хотят что-то изменить, улучшить общество и вернуть его к высшим моральным ценностям. Из этих миссий я выбираю последнюю, ибо не хочу быть ни равнодушным свидетелем, ни просто попутчиком.

— Вы продолжаете расширять свой репертуар или сыграли уже все, что хотели?

— Безусловно, не все. Я только что записал несколько пластинок для немецкой фирмы «Кап-

риччио», включая концерт Шостаковича. Мой диск с произведениями Рихарда Штрауса, Франка и Равеля стал в Германии диском года. Выходят мои пластинки с записями выдающегося немецкого композитора XX века Карла Амадеуса Хартмана, которого Бернштейн называл «недооцененным гением», а также диски, посвященные творчеству Шнитке, записи Альбана Берга и Арво Пярта... В общей сложности я записал около 100 пластинок.

— Великий пианист Владимир Софроницкий не любил записываться и говорил, что «записи — это мои трупы».

— А другой гений, Гленн Гульд, наоборот, говорил, что он не хочет выступать на концертах, потому что диски — единственное, что остается. Мне очень интересны записи с концерта. В них могут быть шероховатости, но есть какая-то энергетика, возникающая оттого, что в зале сидит 2000 человек.

— Кого вы считаете самым выдающимся скрипачом всех времен и народов?

— Много скрипачей можно причислить к лику святых. Я бы назвал Яшу Хейфица, Иегуди Менухина и Давида Ойстраха.

— Для вас как исполнителя важнее довести до публики идею композитора или преподнести ей

собственное прочтение того или иного произведения?

— Всегда возникает большая дилемма: чувствовать себя рабом и строго выполнять все, что написано в нотах, хотя бывают композиторские ошибки в виде неточно указанного темпа — даже у Шостаковича. Или, наоборот, выставить на первый план себя. Часто слышишь, как дирижер, пианист или скрипач говорит «Это я!». Нужно руководствоваться золотой серединой, которую ищут все.

— Любопытно, узнали бы великие композитора свои труды в современном исполнении...

— Все развивается, ничто не стоит на месте — как в высоких технологиях. Я думаю, что многие из них изумились бы и схватились за голову.

— Надо ли как-то пытаться объяснять словами идею того или иного музыкального произведения? Это, в частности, охотно делали Чайковский и Стравинский.

— Иногда надо, ибо образное мышление — одна из важнейших, но не главная пружина искусства. В конечном итоге, музыка — это закрепленная человеческая эмоция. И большое счастье, что она самое абстрактное из всех искусств.

— Ваша концертная деятельность со стороны выглядит сплошной чередой триумфов. Неужели у вас никогда не бывает неудач?

— Конечно, бывают. Но существует какой-то определенный уровень, ниже которого не опускаешься — или стараешься не опускаться. Это дается огромной работой. У нас в России говорят, что «мастерство не пропьешь» — это относится ко всем профессиям.

— Посещает ли вас порой чувство неудовлетворенности собой?

— Постоянно. Когда что-то не получилось, не спишь ночами. Такие ошибки, которые заметны только мне самому и нескольким профессионалам, остаются надолго шрамами на душе. Даже если они зарубцовываются, то не исчезают совсем. И нужна большая сила воли, чтобы, возвращаясь к этим сочинениям, преодолевать самого себя. Лучше тебя самого никто не знает твои недостатки. Я очень хорошо понимаю Святослава Теофиловича Рихтера, который в фильме французского режиссера Бруно Монсенжона говорит, что он себе не нравится.

— Разве не бывает головокружений от успехов?

— Бывает, конечно, — «я гений, Игорь Северянин...» Но когда каждый день имеешь дело с Малером, Шубертом, Бетховеном, Бахом или с Рихардом Штраусом, то так о себе думать просто неловко.

— Есть ли в музыке какое-то поступательное развитие?

— Такого равномерного развития в искусстве не бывает. Это всегда какие-то взлеты, падения, пустоты, заполнение, напряжение...

— В чем отличие русской публики от западной?

— Она у нас очень образованная, особенно в провинции. Часто образованнее тех, кто называет себя музыкальными критиками. В нашей публике есть одно редчайшее качество — это чистосердечность. Поэтому я очень люблю играть в России. Когда приезжаешь в Тулу, в Пермь, в Саратов, в Ереван, в Ташкент, в Бишкек или в город Ноябрьск, то нас принимают, ну просто как Майкла Джексона.

— Ваша жена Сати ведет по телевидению серию передач, посвященную знаменитым артистам, художникам, писателям. Вы не станете героем одной из них?

— Мне это не угрожает. Это ее область, в которую я не вмешиваюсь. Сати — очень творческий человек, поэтому со всем справляется без моей помощи.

— В свое время вы были еще и превосходным живописцем. Почему вы сделали выбор в пользу музыки?

— Упорство проявил мой профессор Юрий Исаевич Янкилевич. Он однажды меня застучал в ватнике и в резиновых сапогах, когда я вместе со своим учителем рисования Александром Васильевичем Буторовым, который был одет таким же образом, с мольбертами направлялись в Измайлово на пленэр писать этюды. Тогда Юрий Исаевич понял, почему я так медленно продвигаюсь в скрипичном деле. На следующий день была разборка, и я чуть не вылетел из его класса. Постепенно пришлось свести на нет занятия живописью. Хотя в интернате при Центральной музыкальной школе мне разрешалось оставаться на час позже после отбоя, чтобы я мог дописать свои этюды. Когда же я был пионервожатым в школе, то водил ребят своего класса в Третьяковку, читал им лекции по живописи...

— Не жалеете, что не состоялись как художник?

— Нет, потому что я коллекционирую картины, хотя сейчас это становится все труднее — русская живопись очень выросла в цене, что совершенно справедливо. Люди, наконец, поняли, что, скажем, художники «Бубнового валета» ничуть не хуже, чем Сезанн. Я давно начал соби- рать дягилевский круг, но он немного расширил- ся за счет более поздней живописи, включая ра- боты Фалька. Часть моей коллекции в Москве, а часть — из тех вещей, что я покупал здесь, в Лон- доне и в Нью-Йорке, — в Париже... Сыграл как- то шесть раз концерт Сибелиуса в Англии, зашел в лондонскую галерею и увидел Наталью Гонча- рову, начало ее абстрактного периода. И, конечно, от шести концертов ничего не осталось.

— Часто ли меняются у публики музыкальные вкусы?

— Конечно, и в музыке что-то устаревает, что-то надоедает, хочется чего-то свежего. Я, на- пример, не могу больше много слушать музыки XVII — XVIII веков, устал от нее. В целом же, пе- рейдя в XXI век, люди почувствовали себя ближе к XX. Это ощущается в тяге к Прокофьеву, Раве- лю, Мессияну.

— Да, но для публики часто важнее не что иг- рают, а кто играет. Возник культ имен музыкан- тов, а не композиторов...

— И это очень хорошо. Люди доверяют музы- канту и понимают, что он стал звездой не просто так. Правда, большинство из них напоминают ис- кусственные спутники, которые, входя в атмо- сферу, — а музыкальная атмосфера непростая — просто-напросто сгорают.

— Каким вам представляется российский музы- кальный пейзаж — пустыней, оазисом, безмятеж- ной равниной?

— Во всяком случае, не пустыней и не равни- ной. Надо разделять понятия: одно дело культура столичная, другое — остальная российская. С точки зрения искусства Москва приближается к Лондону или к Нью-Йорку. В общем в нашей столице горят огни большого города, чувствуется очень повышенная энергетика, тогда как в про- винции все спокойнее. К счастью, осталась неве- роятная тяга к духовности, которую не смогли убить ни Сталин, ни вся коммунистическая эпо- ха. В России есть и возможность, и желание тво- рить. Остается надеяться, что материальные сред- ства появятся в обозримом будущем.

— Интересно, каким же образом?

— Нужно законодательство для подпитки культуры. Должен быть принят закон о меце- натстве. Есть масса вещей, которые могут высво- бодить денежные средства... У нас же все «вели- кое» — великие траты в неизвестность, великие достижения. Толстой справедливо сказал, что очень легко любить все человечество и очень трудно — одного человека.

— А если бы вам предложили возглавить Большой театр? Вы бы согласились?

— Нет, я и так многим руковожу. Все на свете возглавлять невозможно.

— Говорят, что вы управляете оркестрами железной рукой в лайковой перчатке.

— Это зависит от того, что мы исполняем.

Иногда перчатку приходится снимать.

— Кто-то сравнил дирижера с полководцем, который ведет за собой солдат — музыкантов на штурм новых высот...

— Безусловно, но надо непременно выигрывать баталии.

— И кто же из полководцев вам ближе всего?

— Кутузов.

— Он же сдал столицу!

— В шахматах порой жертвуешь качеством, чтобы получить сильную атаку. То же самое и в нашем деле. Иногда держишь про запас эскадрон казаков.

— Ваши военные симпатии мне понятны. А кто вам ближе всего из музыкальных вождей?

— Бах, Бетховен, Моцарт, Брамс, Шуберт, Чайковский, Рахманинов, Шостакович, Малер.

— Один из ваших фестивалей был посвящен Федору Шаляпину. Он сегодня так же велик, как и сто лет назад?

— Он был и остается великим. Каждая его фраза — это откровение. Каждому выражению чувства соответствовали тембр голоса, его окраска. Это завораживает. Не говоря уже о том, что есть много людей, которые помнят его выступления во Франции, где Шаляпин закончил свою жизнь. Мне рассказывали, что когда он только выходил на сцену в костюме Дон Кихота, не спев ни одной ноты, люди уже начинали плакать.

— Голос — это тоже инструмент, быть может, и посложнее музыкального?

— Конечно. У всех людей есть голос, но только единицы способны петь так, что сердце останавливается.

— Ваши концерты в Кольмаре проходят в церкви Сен-Матье, где перед дирижерским пюпитром изваяние распятого Христа...

— Леонард Бернштейн говорил, что его религия — это музыка, и я думаю, что под этим подпишутся те исполнители, которые ей честно служат. У музыки и у религии одни корни, одни идеалы.

— Какой же из них самый главный?

— Это воссоздание духовности. К музыке подходит любая из 10 заповедей Христа. «Блаженны плачущие, ибо они утешатся»...

— «Умное делание» — так называлось продолжавшееся по нескольку суток стояние монаха в столбняке. Углубившись в мысль о Боге, он заковыдал силы души в ожидании откровения — постижения гармонии вселенной, бесконечности бытия...

— Чрезвычайно редко такое «умное делание» случается на сцене — тогда испытываешь высшую гармонию. Это величайшие минуты просветления и счастья. Пруст писал, что способный к творчеству человек имеет больше возможности увидеть и услышать бесконечность. Перед смертью.

— Что такое для вас бесконечность?

— Она заключена в каком-то поразительном круговороте. Шостакович в своем дневнике написал пять слов: «Мудрость. Любовь. Работа. Смерть. Бессмертие». Это зашифрованное ощущение бесконечности. Человек не исчезает бесследно. «Нет, весь я не умру» — участь не только гениев, но и простых смертных.

— Шостакович каждое утро для настроения на нужную волну играл себе Баха, называя его началом всех начал...

— Я его понимаю. Я тоже очень часто играю Баха перед концертами, чтобы успокоиться, привести душу в гармонию. Никто из композиторов на меня так не действует, как Бах.

— Именем Баха в гостинице названа комната, в которой вы живете в Кольмаре.

— И останавливаюсь я в ней уже полтора десятка лет. В Париже я живу на улице Верди, а родился в Уфе на улице Глинки.

— Судьба... Вам случается играть только для себя?

— Я это делаю все время.

— Как музыкант, вы предпочитаете концерты, которые по своей сути эфемерны, или нетленные записи?

— Я больше всего люблю репетиции. В записи исправить уже ничего нельзя. Вы зависите не только от себя, а от того, как расставили микрофоны, как вас слышит звукорежиссер, как вы себя сейчас чувствуете, как звучит инструмент, какая сегодня погода: не слишком ли влажно или сыро. На репетиции же можно все изменить — черное сделать белым, а белое — сиреневым.

— То есть важен не результат, а сам процесс?

— Это самое интересное, ибо допускается возможность парадокса.

— Наверное, каждому таланту хочется после себя оставить какой-то след, «быть может, в Лете не потонет строка, слагаемая мной...» В вашем случае не строка, а нота.

— Есть люди, которые собирают все написанные о них статьи, складывают в папки, нумеруют их, ведут архивы. У меня же нет ничего. Останется у кого-нибудь что-нибудь, и слава Богу. А нет — тоже замечательно. Мне все равно. Останется, думаю, то добро, которое я делал через свой фонд по всему бывшему Советскому Союзу. Люди будут помнить, что одному спасена жизнь, другому подарен инструмент, третьему сделали выставку...

— Многие музыкальные гении завершили свою жизнь на трагической ноте. Что это, расплата за дар Божий?

— Жизнь любого человека довольна трагична. Просто гении больше на виду, и у них другой градус жизни. Моцарт к 35 годам прожил три человеческие жизни.

— Вы однажды говорили о тяжелой дороге, которая ведет к Храму Совершенства. В какой мере вам удалось к нему приблизиться?

— Это как мираж в пустыне. Вам кажется, что он рядом, весь блестит, усыпанный росой, как бриллиантами. Вот откроется дверь, и вы уже там, внутри, где все горит свечами. Но нет, ничего не происходит. И Храм остается миражем.

— Сегодня, когда разгадан геном человека, наверное, не за горами то время, когда люди смогут вырацивать моцартов в пробирках?

— Может быть. Лишь бы не Сальери...

— Не кажется ли вам, что XX век с музыкальной точки зрения был менее насыщенным, чем XIX?

— Нет, конечно. Мы можем всегда по-настоящему оценить то или иное событие только с позиции прошедшего времени. И если удастся посмотреть, то увидим, что от него осталось. Временщики отпадут, останется то, что переходит из века в век, что близко человеку и его волнует, — вечные ценности. То, что в себе их несет, будет считаться классикой XX столетия, его шедеврами. Возникает новый язык, но и старый не отомрет... И уже сейчас, например, по Интернету наш фестиваль слушают в разных частях света.

— Кто, на ваш взгляд, из композиторов прошлого века будет считаться классиком?

— Огромное количество, и очень много русских композиторов, которые себя выражали, выражали свою славянскую душу со страстями, с крайностями, без чего человек не может существовать.

— У немцев нет славянской души, но у них есть хорошие композиторы.

— Во всяком случае, удельный вес немецких композиторов в сравнении с русскими в XX столетии незначителен. Прошлый век в музыке можно считать практически русским. Я имею в виду и Стравинского, и Рахманинова, и Прокофьева, и Шостаковича, и Шнитке...

— И это место принадлежит России, несмотря на все выпавшие на ее долю в XX столетии страшные испытания? А может, благодаря им?

— Частично да, потому что в человеке заложена «обязательность» выживания, несмотря на угрозы голода, смерти, нищеты.

— Искусство помогает выживать в минуту испытаний?

— Безусловно. Оно приводит в гармонию человеческую душу.

— Сегодня среди наших звезд поетрие писать

мемуары на тему «Мой XX век». Вы не собираетесь внести свою лепту в этот жанр?

— Мне предлагали... Писать неправду не хочется. Правда может оказаться горькой для многих, в том числе и для меня. Писать, причисляя себя почти к числу святых, — это не мое амплуа. Я считаю, что святых практически нет, есть просто люди, которые умеют оценивать свои грехи и стараются их больше не повторять — в этом разница. И как правило, все такие книги начинаются и заканчиваются с «Я», отличаются самолюбованием, а мне это противно.

— Наш известный режиссер сочинил целых два тома — «Низкие истины» и «Возвышающий обман»...

— Не буду обсуждать эти книги, но думаю, что автор не дошел в них ни до низких истин, ни до возвышающего обмана.

— Вам знакомо во время концерта чувство экстаза?

— Конечно. Оно бывает нечасто. Это зависит и от произведения, и от исполнения, и от той энергии, которая возникает в зале. Тогда вдруг ощущаешь, что отрываешься от земли, что ты вне этого измерения.

— Есть житейская формула, согласно которой счастье — это отсутствие несчастья...

— Нет. Это еще не счастье. Счастье — это и мгновение, и вечность...

— Я наблюдаю за вами уже больше 15 лет, в том числе и в Кольмаре. Вы не меняетесь, всегда в замечательной форме. В чем секрет вашей «вечной молодости»? В том, что вы окружены четырьмя молодыми женщинами — женой и тремя дочерьми?

— У человека должен быть эликсир жизни. У меня это работа. Каждый раз, когда уставший или больной я прихожу на репетицию, вначале все идет нехотя, заторможенно, а потом включаюсь в этот процесс. Начинают гореть глаза, прихожу в большое возбуждение и снова ощущаю себя молодым.

— Из каких исполнителей вы составили бы свою команду «дрим — тим», то бишь «команду мечты»?

— Составить-то можно, но вместе они играть не смогут. К тому же трудно называть такую команду. Кого-то не включишь, обидится. Вообще-то я беру всех, но не знаю, возьмут ли все меня.

— Женщины играют в вашей жизни исключительную роль. Я, конечно, имею в виду ваше ближайшее окружение, жену и дочерей...

— Разве можно женщину отделять от музыки? «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает, но и любовь — мелодия».

— Я попытался вспомнить женщин-композиторов, но кроме Губайдулиной и Пахмутовой никто в голову не пришел...

— Есть еще замечательный композитор Уст-вольская. Видимо, их главное предназначение — продолжение рода человеческого. У женщин нет времени и страсти на такие мелочи, как сочинительство.

— *Есть ли такая партия, в которую вы были бы готовы вступить?*

— Не люблю я слова «партия» — сразу возникает образ скопления каких-то людей, которые хотят чего-то получить от других. Хотят, прежде всего, власти, которая человека страшно портит. Она дьявол-искуситель, которому я не поддаюсь.

— *Мне недавно попался составленный Марселем Прустом вопросник, который он рассылал знаменитым людям. В отличие от его изоциренной прозы вопросы весьма бесхитростные, но именно ответы, по мнению писателя, помогают лучше понять суть того или иного человека. Из тридцати прустовских вопросов я выбрал пяток. «Что вам лучше всего удалось в жизни?»*

— Отвечая на этот, казалось бы, простой вопрос, надо становиться судьей самого себя — и не во время размышлений один на один, а публично. Это форма исповеди, на которую не каждый может решиться. В моем случае кое-что удалось, а большей частью — нет.

— *«В чем для вас высшее проявление счастья?»*

— Счастливее всего я чувствую себя на репетициях. Это момент познания, откровений, открытий. Человек устроен так, что он редко ощущает свое счастье. Обычно он осознает его только тогда, когда оно от него удаляется.

— *«Какая главная черта вашего характера?»*

— Страстность. Увлеченность. Все, чем я занимаюсь, я делаю со страстью.

— *«Какое качество вы выше всего цените в мужчине?»*

— Щедрость.

— *«А в женщине?»*

— Доброту...

Беседу вел Юрий Коваленко

